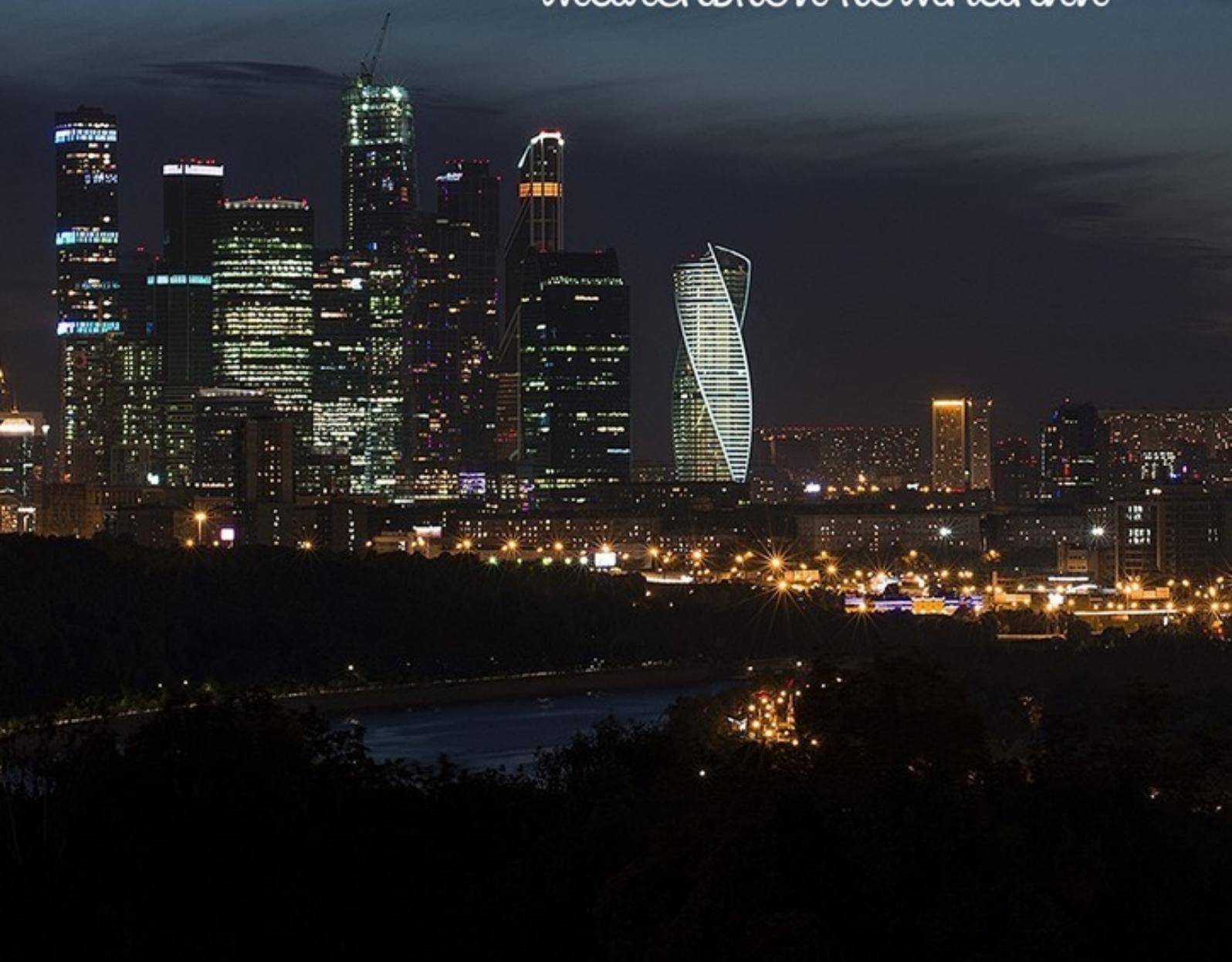

Галина
Асташина

АВАНТЮРИСТКА,

ИЛИ

*Большие тайны
маленькой компании*

Галина Асташина

**Авантюристка. Или Большие
тайны маленькой компании**

«Издательские решения»

Асташина Г. М.

Авантюристка. Или Большие тайны маленькой компании /
Г. М. Асташина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902295-0

Из северного захолустья в Москву приезжает девушка с криминальными наклонностями. Попадая в поле зрения сотрудников ФСБ, она начинает работать на них. Одновременно с этим она знакомится с компанией московской элитной молодежи. Любовь, интриги, обман, коварство — все сплетается в тугой узел. Чем закончится эта очень необычная история, случившаяся в конце 80-х гг.? Читайте — не оторветесь, ибо никому неизвестны все тайники и глубины души человеческой...

ISBN 978-5-44-902295-0

© Асташина Г. М.
© Издательские решения

Содержание

Предыстория	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Авантюристка Или Большие тайны маленькой компании

Галина Михайловна Асташина

© Галина Михайловна Асташина, 2018

ISBN 978-5-4490-2295-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предыстория

Мимо поселка с веселым названием Шебутиха скорый поезд «Москва – Мурманск» проходил без остановки. Угрюмые черные окна рабочих бараков, дребезжа и подрагивая, с тоской смотрели на лихо мчащийся состав. Около десяти вечера шебутихинцы укладывались на покой, ругая на все лады судьбу, шум и гарь. Жизнь в поселке постепенно замирала. Только около сельмага подвыпившие мужики, отчаянно матерясь, требовали немедленно продать им «шо-нибуть пак-крепче». Финал был всегда один: разъяренная продавщица разгоняла жаждущих и навешивала на дверь пудовый замок. Развеселая компания сбрасывалась «по рваному», посылая гонца к одинокому деду, жившему недалеко от сельмага и промышленному сивушным самогоном.

Еще долго в ночной тиши из оврага под железнодорожной насыпью неслась пьяная брань, непристойности, а одинокий хриплый женский голос старательно выводил: «Хаз Бу-у-лат мала-до-дой, бедна сакля тва-йя-я...»

Правдами и неправдами молодежь выбиралась из этих мест: отслужив в армии, парни вербовались на Север, уезжали на БАМ —туда, где хорошо платили и жизнь была веселее. Девушки выходили замуж за ребят из соседнего городка: там на выгодных условиях добывали апатиты, платили там прилично и о разработках еще мало кто знал.

К концу семидесятых забытую богом и властями Шебутиху населяли заключенные, жившие здесь на поселении, никчемные алкоголики, давно махнувшие на злодейку-судьбу, и старички-пенсионеры, волей судеб заброшенные в эти глухие места. Ученики единственной местной школы, уважающие «бормотуху» с самых малых лет, непрерывным потоком пополняли ряды почитателей Бахуса. Шебутиха поголовно спивалась.

Глава 1

«И что чушь плетут? Даже ежу ясно: если женщина некрасивая, то ей от жизни ждать нечего. «Не родись красивой, а родись счастливой» – дурацкая поговорка для глупеньких и наивных девочек, чтобы как-то их успокоить. Возьмем, к примеру, школьную программу: все героини как на подбор: каренины, ларины, всякие там ольги павловны, настасьи филипповны – ну все до одной красавицы. Так уж заведено, что счастье для баб – в красоте. А почему, спрашивается, тогда все эти дамочки были несчастны? Да потому, что не знали они мужской природы, уж очень сильно возвышали сильный пол. А у всех мужиков на уме только одно... Права мать, ох как права, когда говорит, что все они кобели. Все без исключения. Взять ту же Прасковью, из пятого барака, что к матери все бегала прошлой осенью. Радовалась, как дитя, что мужичка себе нашла, ох и счастливая была. Ну и где он, ее мужичок? По четвертой ходке загремел, а она дура верила ему. Верила, что большая любовь может любого мужика изменить. Может, любовь и смогла бы изменить кого-то еще, но кобеля вряд ли... Нет, не может счастливой быть дурнушка, она похожа на залежалый второсортный продукт.

А разве в школе учат жить? Ничего подобного, все наоборот! Говорят: не крадите, а вокруг все воруют. Говорят: надо защищать слабого, а как его защищать? Или самой под нож подставиться, или же стать убийцей? Хорошо, допустим, убьешь ты обидчика, так тебя же и посадят за какое-нибудь превышение. Все это сплошные сказки о справедливости, красивые слова. Учат нас, учат, да не тому. Зачем, скажите на милость, мне в жизни синусы и косинусы? На хрена они мне? Или немецкий? Может, в Шебутихе читать Шиллера в оригинале? А еще лучше с вечно пьяным Витьком «шпрыхать» на немецком? Дурдом какой-то, а не школа...» – так размышляла Таня Алферова, ученица выпускного класса шебутихинской средней школы, затягиваясь старой желтой сигаретой, найденной в женском туалете. Она стояла у открытого окна и тоскливо рассматривала уходящий к горизонту поселок, груды грязно-черного угля у барачков, стальные тяжелые облака, пропитанные гарью и копотью, такой же грязный школьный двор, а в нем кривляющихся, бегающих друг за другом, перемазанных углем, бедно одетых детей младших классов.

Тем не менее школа, где Таня училась, была для нее единственным местом отдыха: тут хотя бы не пахло барачком, не стояла ничем неистребимая смесь перегара, квашеной капусты и грязных половых тряпок; здесь никто из взрослых не вопил с надрывом матерком и не пил горькую; на уроках Таня могла передохнуть от истерик рано постаревшей, измученной жизнью матери, которая все никак не могла устроить свою личную жизнь: кавалеры, сменяя друг друга, появлялись ниоткуда и исчезали в никуда.

Сверстники казались Тане пустыми, примитивными, с ними было скучно, неинтересно, а порой невыносимо тягостно. Обязательные школьные дисциплины ее мало интересовали, хотя она любила читать, читала все подряд, без разбору, без всякой системы. С годами многие из ее одноклассников уже успели сильно пристраститься к этиловому нектару, баловались табачком, а иногда и анашой, но эта беда, к счастью, Таню миновала: алкоголь вызывал тоску, безысходность и бессонницу, а от дыма у девочки очень сильно болела голова. Беда была в другом: постоянные, изматывающие, навязчивые до иступления, мысли не давали ей покоя. О них никто в поселке не догадывался, и меньше всего свою дочку знала ничего не подозревающая мать. А дело было в том, что матушка-природа наградила Таню складной фигурой, подарив ей тонкую талию, высокий бюст и длинные красивые ноги. Но, вероятно, устав от своих щедрот, природа забыла о лице. Лицо осталось жестким, порой злобным, невыразительным, маленькие глазки без ресниц и крупный нос завершал ее порт-

рет. А вот зеркало неустанно напоминало об этом своей хозяйке. Напоминало и посмеивалось над ней.

Демоны обиды и злобы постоянно терзали Танину душу, портили характер, мысли о мщении всем и вся становились частыми, упорными, превратив жизнь девушки в сущий ад. Только сон облегчал терзания: один и тот же сон, повторяющийся в деталях, только он и приносил ей покой. Засыпая, она молила всех богов, всех чертей, всю нечистую силу и прочее отродье, чтобы они послали к ней этот единственный сон-избавитель:

Ночь. Поселок спит. Таня быстрым шагом добирается до старого черного, заброшенного дома на окраине. Этот дом давно превратился в старую заброшенную часовню с дурной славой. Многие утверждали, что видели своими глазами чертей и дьявола, вылетающих из дверей этого проклятого дома.

Только одинокая бледная луна освещает к нему дорогу. Скорее, скорее! Надо успеть до полуночи. Процесс Справедливого решения всегда начинается ровно в полночь. Надо подниматься по разошедшимся, скрипучим ступенькам, это очень тяжело, дыхание перехватывает; осторожно, еще шаг, еще, осталось совсем немного...

В большом строгом кресле в изголовье стола всегда восседает Судья. На нем черная шелковая мантия, напудренный парик, в руках старинная книга «О причинах бедствий людских». Полночь. Час настал. Она слышит голос: «Над теми, которые преданы похоти, дьявол взял власть. Чарами и прелестями своими вовлекают они неразумных и незрелых в его сети. Потому хуже других во сто крат погрязшие в мерзостях плотских. Наказание им только смерть.» Мрачные фигуры, сидящие за столом одобрительно кивают головами, покрытыми темными капюшонами, скрывающие лица монахов тайного Ордена Справедливости. Монахи кивают в такт строгим речам, встают и протягивают руки кверху: «Смерть блудницам! Смерть дьяволицам! Смерть и только Смерть!» – жуткие призывы гулко разносятся по всему черному залу.

Одна за одной гаснут свечи, темнота сгущается, а в углу, около входа, начинает клубиться пар, в котором постепенно угадывается укутанная в белое фигура. Саван скрывает силуэт Старухи с длинной косой. В ее костлявых руках окровавленные, отрубленные головы паскудниц. С этих бледных голов медленно капает кровь. «Почему у них головы лысые?» – Думает Таня. – «Ах да, женские чары в волосах, так написано в фолианте. Судья знает всех казненных девиц поименно, называет каждую жертву. Все кончено. Очаровательные распутницы мертвы. Судья: Ее Величество Смерть довольна обильной жатвой, ибо сказано в Книге Книг: «...Нет гнева большего гнева самой мудрой женщины на свете».

Таня знает по именам всех казненных, всех – они же ее лучшие подруги. Подруги по школе. Самые симпатичные, с милыми личиками. Как славно! Еще несколько красавиц никогда не встанут на ее пути: они были в руках самой Смерти, а это значит быть беде – с ними обязательно что-нибудь случится.

***

Таню всегда тянуло к взрослым мужчинам. По вечерам, когда жители барака начинали медленно и тупо пьянеть, а у многих, наоборот, развязывались языки, она, затаив дыхание, слушала рассказы сидельцев о лагерной жизни. Иерархия тюремных каст, значения татуировок, завораживающие подробности жутких разборок между заключенными, подробности удовлетворения половых извращений – все это было ярко, необычно и гораздо интереснее всех романов на свете. Тихая, некрасивая, неприметная, она вертелась около пьяных мужиков, давно привыкнув и к отборной ругани, и к сальным подробностям тюремных баек. Уби-

рая за бывшими лагерниками пустые бутылки, вынося полные банки окурков, она внимательно их слушала, слушала и запоминала все, все до мельчайших подробностей.

В поселке все считали Таню подругой Витьки Богомолова, отрубившего «на хозяина» пятерик за разбой и жившего в Шебутихе на поселении несколько лет. Поговаривали, что у нее с Витькой большой роман. А роман тот был пятиминутный, без девичьего кокетства и стыда, без ухаживаний, ласковых, хороших слов и жарких поцелуев. Как-то вечером, после обычных посиделок, наговорив Тане каких-то глупостей вперемешку с пошлятиной, обняв ее за талию, хмельной Витька заволок Таню в котельную, где она получила первое представление о сексе. Удовольствия от этого занятия она не испытала, скорее наоборот. А потому все иллюзии о любви из головы напрочь выбросила и с Богомоловым в подвал больше не спускалась. «Большой котельный роман» так и остался без продолжения.

***

Знающие люди говорили, что в столице есть особые клиники, где лицо можно изменить до неузнаваемости: исправить нос, что-то там подтянуть, укоротить или подшить – правда, удовольствие это чересчур дорогое. «Это им можно подтянуть! А мой нос лучше вообще отрезать. А вот как подбородок-то сузить? Или скулы – это же мечта монголов. Волосы могли быть и погуще! – она в сердцах разломилась расческу, и вслед за ней на пол полетели дешевые духи, пудра и огрызки старой маминой помады. – Помочь сможет только операция! А такую, как сейчас, разве что урод какой заметит, такой же урод, как Витька, а мне такие даром не нужны, блатари пьяные!

Может, мне в какой-нибудь институт или техникум поступить, которые попроще? А если срежусь, тогда и черт с этим образованием! Жалко, конечно, как ни крути, все-таки была бы хоть какая-никакая, а профессия, может, тогда в Москве легче будет остаться. Честно говоря, на это надежды мало: какое тут, в Шебутихе, можно получить образование, – да никакого! С другой стороны, если все будет напрасно, и так проживу. В торговле, например, нищих нет, там безо всяких институтов от пуза едят. Главное, чтобы деньжата водились: с ними все двери открыты, а честным трудом одни мозоли заработаешь. Матери, например, чтобы цветной телевизор купить, как минимум, три года вкалывать надо, причем не пить и не есть, а только копить, копить и копить. Вот и выходит, что жить честно и жить хорошо – понятия друг друга исключают. А что в остатке? А в остатке только дураки и остаются: облапошить какого-нибудь простака нетрудно, способов много, надо только соблюдать правило трех «не»: «не верить», «не бояться», «не», «не»... черт, забыла третье, ладно, пусть будет «не влюбляться», – успокоившись принятым решением, она взяла учебник по химии и стала его перелистывать.

Но мысли ее были далеко: «Правильно один мужик сказал: «Влюбленная баба глупее самой глупой овцы». Поэтому я не должна влюбляться раньше, чем заработаю денег, а потом необходимо за Москву зацепиться. Но как? Воровать не умею, да и сидеть на нарах не для меня. Остается кого-нибудь околпачить. Методов много, наслушалась в бараках. Но одной в столице немного страшновато, чего уж тут говорить. Подруг у меня нет, да и не нужны они, все они шлюхи подзаборные, за мужика все отдадут и любую тайну раскроют. Придется все самой...

Сюда не вернусь никогда, факт. В этом болоте пусть всякая рвань живет, я не для этой жизни рождена. А как же мать? А что мать? У нее своя жизнь, ей всегда было не до меня, она еще ничего, не очень старая, вроде здоровая, найдет себе кого-нибудь. Интересно, от какого же уroda она меня родила? Молчит как партизан, никогда и никому не проговорила. Сама-то она на лицо ничего, получше своих подружек, особенно если глаза накрашит. Подцепит кого-нибудь с деньгами, а потом другого, а потом... Да пошла она... Бог мой,

как же мне все здесь обрыдло! Плюнуть и растереть эту ненавистную Шебутиху, гори она синим пламенем! Никогда сюда не вернусь, хоть под расстрелом».

***

После выпускных экзаменов, скучного прощального вечера, – с танцульками под гармошку и пьяными обещаниями дружить до гробовой доски, – Таня стала лихорадочно собираться в столицу. Для матери и всех остальных говорилось одно: Таня поступает в институт. Мать робко советовала ей сдавать экзамены в Мурманске или Петрозаводске: там, мол, конкурс поменьше и учиться легче; говорила, что люди на Севере проще, да и к дому все ближе будет. – «Отстань, это мое дело, куда мне ехать и где учиться, как-нибудь сама разберусь. Нет, вы только посмотрите, это кто мне советует!? Та, которая приехала в это захолустье вместо нормального города, та, кто живет в бараке с подонками? Лучше бы ты переехала в маленький, но нормальный город, наверняка там больше возможностей для женщины. И вообще, что ты добила в своей жизни? Меня родила, только сама не знаешь или помнишь от кого. Ничего ты в этой жизни не поняла, прозябаешь здесь и сиди дальше. А я в столицу поеду», – огрызнулась дочь и торопила время: «Скорее бы уже уехать отсюда.»

Все дурное, как известно, впитывается без труда: усвоив, что хитрость вполне может заменить ум, а для достижения цели не должно быть никаких моральных преград, Таня считала себя достаточно умудренной девушкой. Решив для себя, что жадность, глупость и доверчивость людей с успехом можно использовать себе на благо, ей не терпелось проверить эти утверждения на практике.

Глава 2

В доме напротив солнце позолотило все окна. Чистый, свежевывмытый Кутузовский проспект столицы еще потягивался в постели. Утром на Кутузовском пешеходов практически не было, не было и очередей в магазинах. Черные правительственные «чайки» уже промчались: «кремлевским старичкам» не спалось: кавалькада блестящих машин, с мигалками и сиренами, проезжала под окнами на проспекте в одно и то же время, около десяти утра.

В огромной четырехкомнатной московской квартире генерала Ванина стояла мертвая тишина. Хозяева отдыхали на Черноморском побережье, в огромном роскошном санатории для военнослужащих высшего звена, а их домработница Нюша приходила хозяйничать только к двенадцати.

Игорь, двадцатидвухлетний генеральский сынок, тщательно побрился и принял душ. Занять себя было абсолютно нечем: он включил магнитофон. Модная шведская группа «Абба» огласила квартиру звуками бодрого шлягера. Под зажигательную ритмичную музыку молодой Ванин несколько раз отжался, размял косточки и, пританцовывая, пошел на кухню варить кофе. Пробежав свежие газеты, зевнув от скуки однообразных передовиц, он открыл толстенькую записную книжечку и начал подсчеты.

Игорь считал себя деловым человеком: он ссужал деньги, причем под солидные проценты. Клиентами были его друзья и очень близкие приятели. Тайная бухгалтерия молодого ростовщика велась тщательно: барыши подсчитывались каждый день, а реестр неуклонно фиксировал рост капитала. В столбике «приход» цифры недавно перевалили уже за три нуля.

Закадычные друзья Игоря, Кирилл и Павел, входившие в их маленькую компанию, люди, без сомнения безбедные, но деньги у них утекали из рук с невероятной скоростью. Игорь для них был палочкой—выручалочкой: он никогда не отказывал своим и проценты брал невысокие. А кабаки, подарки, стильные шмотки, загородные пикники, импортная аппаратура требовали ух как много!

Подсчитав столбики цифр, Ванин-младший убрал записную книжку, а из надежного тайничка вынул пачку пятидесятидолларовых купюр, отложил необходимую сумму, остаток спрятал. В начале одиннадцатого он позвонил Кириллу.

– Привет, Кир, все еще спишь, соня?

– Да, – зевая, ответил приятель. А что? Что-то срочное?

– Разговорчик к тебе имеется. Не для чужих ушей и не по телефону. Так сказать, приватного свойства.

– Хорошо. Когда и где?

– Ну что за вопрос! Где всегда. В двенадцать сможешь?

– Постараюсь.

– Кстати, маэстро, ты помнишь, сколько ты мне должен на сегодняшний день?

– Ванин, ты все-таки не интеллигент: ну кто это утро начинает с разговора о деньгах?

Разберемся при встрече.

***

Недалеко от площади Восстания, рядом с Планетарием, жил своей незаметной жизнью один из подпольных валютных рынков столицы. Около комиссионки, очень популярной среди любителей импортной радиоаппаратуры, здесь можно было купить доллары, марки, франки, обменять валюту на чеки и бонусы. После разгрома «Плешки» в шестидесятых годах и ареста знаменитых валютчиков Рокотова и Яковлева московские «рысаки», «бегунки» и прочая криминальная публика, обслуживающая валютных воротил, переместилась сюда.

Рядом с магазином без труда можно было приобрести японский кассетник, продать его тут же, в «комиссионке», выручив баснословные деньги в рублях. На этом пяточке, кроме валютчиков, суеилось ворье и «кидалы» всех мастей. Маленькие группки, по двое-трое, вяло топтали асфальт, перекидывались фразами, которые были понятны только небольшому кругу посвященных.

Молодой Ванин знал здесь почти всех: от мелких спекулянтов до «купцов», которые только «руководили процессом», умножая свои капиталы с помощью расторопных «шестерок». Молодой ростовщик был хорошо осведомлен, кто и чем промышляет, у кого какие обороты. Будучи по природе наблюдательным и осторожным, он никогда не спешил сразу окунуться в дела: как хищник перед броском, юный ростовщик издали внимательно изучал «расклад на территории».

Безошибочно определяя, кто сегодня чем торгует, он боковым зрением схватывал, кто кого «пасет», кто здесь случайно забредший клиент, кто, как и он сам, изучает атмосферу доморощенной биржи. Однажды его взгляд выхватил из толпы двух незнакомцев. Явные чужаки, – двое оперативников, с одинаково бритыми затылками, одинаковой обувью, в одинаковых рубашках и галстуках и задором молодых оперов – топтались здесь сравнительно недавно. Игорь аккуратно начал их «пасти». Появлялись они у Планетария практически в одно и то же время, с нарочито безразличным видом проводили здесь какое-то время, подавая друг другу знаки-сигналы, причем очень старались не показать, что знакомы. «Наверное, первое или второе задание выполняют, а то бы я их раньше приметил», – подумал Игорь. Ванин шепнул о них кому следует и не ошибся: информация дошла до валютных акул. «Купцы» помощь оценили. В этом мире он «прописался», стал своим.

Глава 3

Ванин-младший издали заметил черную «Волгу», несущуюся на большой скорости от Смоленской площади. «На отцовской тачке едет, а это значит, что его закадычный друг помирился с предком. Может, уже и „бабками“ разжился, хотя сейчас мне это совсем не на руку», – подумал Игорь.

Кирилл уже перебежал Садовое кольцо, а машина отца, знаменитого композитора и всенародного любимца, направилась дальше, к Маяковке.

Единственного сына и законного наследника, Кирилла Ковалевского, домашние холили и лелеяли. Ольга Ивановна в сыне души не чаяла: мальчик с детства был очень послушным, ласковым и ничем серьезным родителям не докучал. Но так уж вышло, что чадо даровитого композитора было напрочь лишено талантов.

Звездной славе отца Кирилл не завидовал. Деньги можно зарабатывать разными способами, лишь бы особенно не потеть. В свое время отец ему подыщет какую-нибудь синекуру. Поди плохо быть музыкальным редактором в радиокомитете или консультантом в филармонии. Отцу же удалось сделать почти невозможное: уже два года как Кир учился в «Гнесинке», правда, на музыковедческом отделении. Сын великого советского композитора постигал тайны теории музыки и сольфеджио. Хотя фамилия отца и открывала все двери училища, посещать занятия и сдавать зачеты надо было на общих основаниях: просто так, за красивые глаза, диплома не получишь. Кир все это отлично понимал и тянул ляжку безропотно.

Безропотным он был и дома. На то была своя причина – характер отца. Великий Композитор только на людях был душкой, дома же – мелким злобным тираном. Когда он пребывал в дурном расположении, лишней раз из комнаты выйти было опасно: самодура боялись все. Испуганная до дрожи жена, опустивший плечи сын и старенькая домработница, которая жила вместе с ними с незапамятных времен, сидели как мыши. Уютная пятикомнатная квартира на улице Горького, с анфиладой комнат, фонтаном и роскошным белым роялем «Стейнвей» в зимнем саду, превращалась в жуткую клетку. Ковалевский никого не стеснялся, и словесные помои в адрес своих домочадцев довольно часто оскверняли эту прекрасную квартиру. Тишина и спокойствие наступали только тогда, когда глава семьи отбывал на дачу в Малаховку. Там он проводил почти все свое свободное время. Знаменитые «малаховские» вечера, которые регулярно устраивал Великий композитор, плавно переходили в большие продолжительные застолья на манер кавказских, с группой верных товарищей по композиторскому цеху, любвеобильными поклонницами, молодыми дамами и юношами, искусными в любви и готовыми на все ради зеленых шуршащих денежных знаков.

***

В сквере около высотного дома ни души. Присев на широкую, отделанную мрамором скамью, приятели закурили. Игорь молча обдумывал что-то:

– Кир, еще раз повторяю, о нашем разговоре никому. Ни слова, ни полслова, даже твоей дорогой Мариночке. Не спорь, знаю, что от нее у тебя тайн нет, ты ей все докладываешь, как баба на посиделках! Я что не вижу, что ты в нее влюблен, как Ромео! Что скажешь? Неправ? Короче, за сохранность тайны я тебе заплачу.

– За что? За молчание? О ля—ля, как в американском боевике: сын советского генерала на службе ЦРУ! Деньги – за тайну!

– Замолчи, плоско и не к месту. Предлагаю списать набежавшие проценты, как говорится, ни за что. Понимаешь? А процентов набежал, сам знаешь, около сотни «зеленых». Помнишь про них?

– Помню, а в чем тайна? Ты что, банк решил ограбить или ГУМ?

– Дурак, грабить никого не надо, дело сугубо мирное. Можно сказать, «интимно-мирное». Излагаю: вчера в институте я случайно закадрил одну провинциалочку: она на экзаменах срезалась. Приехала откуда-то с Севера, не помню из какого города, да это и неважно, и провалилась на экзаменах. Лицо – простое как правда, но фигура классная. Сказала, кстати, ее Таней зовут, что в Москве у нее какой-то родственник живет. В коммуналке. Там, мол, большая семья, и все такое прочее, короче, жить ей негде. Чуешь, куда клоню?

– Пока нет. – Кирилл затянулся «Мальборо» и облегченно вздохнул: явным криминалом от этой тайны не пахло.

– Да провалилась она, провалилась на вступительных, из общаги ее вытурили, а из Москвы уезжать ей не хочется. К родственникам нельзя, там места нет, а я ее временно поселю у себя. На определенных условиях, конечно. Мои предки уехали. Отец прямо из санатория в дивизию махнет, мать двинет за ним, это уж обязательно, так у них заведено. Проторчит она там у него месяц — другой. Так что до декабря, а может и больше, квартира будет пустой. И мы с тобой будем наслаждаться вовсю... теперь понял?

– Понял, но не совсем. При чем тут я?

– Хочешь сказать, что тебе бабенка не нужна? Да? Ой-ой-ой! Разреши не поверить. Я знаю, что ты по Маринке сохнешь, но на ней жениться надо. Же-ни-ться! Просто так, за здорово живешь, у тебя ничего и никогда не получится. И не мечтай! Чудик, ты только на минуту представь, что у вас там трали-вали всякие. Что будет, если ее высокопоставленный отец узнает? Хана тебе! Он не посмотрит, что твой папик песенки сочиняет для всей страны. Быть тебе, знаешь где – вот-вот! – на Колыме. В этом вонючем Политбюро и не такие штуки придумывали, там шутников нет, там и не с такими фамилиями расправлялись за здорово живешь. Под этими небожителями все по струнке ходят, даже Комитет. Один звонок – и ты в психушке. Это в лучшем случае.

– Да, ладно тебе, Игорек, не пугай.

– А я и не пугаю. Просто мы с тобой еще молоды и сидеть не хотим! Ни за шахматами, ни в тюрьме, ни в психушке! – Очень довольный своей шуткой, Игорь загоготал.

– Подожди, подожди... а как ты представляешь наш, так сказать, общий интим? Сначала ты с ней, а я уже после, когда тебе надоест, так, что ли?

– Не торопись, Кир, жизнь покажет...

– А вдруг она, эта Таня, скандалить начнет, ментов вызовет, чего доброго? Или просто не захочет с нами спать, может, она вообще еще девственница?

– Вот святая простота! Балбес ты! Кто ж ее спрашивать-то будет? Захочет не захочет... девица не девица. Нет, Кир, не думаю. Что-то в ее глазах такое есть, именно женское. Нет, не девица. У нее и манеры все женские: кокетничает, глазками стреляет, на лице пуд косметики, юбчонка больно коротка, манера говорить. Даже если и девица – лиха беда начало. Все уговоры—разговоры возьму на себя. Если и они не помогут, коньячок есть, таблеточку можно подбросить клофелина. И куда она после этого денется? Так что, не дрейфь, Кир, все будет как надо. Сейчас подъедем к институту, – между прочим, она поступала в Институт железнодорожного транспорта, – встретим ее, сходим в какой-нибудь недорогой кабачок, покормим бывшую абитуриентку и будущую пассию. И ко мне, на Кутузовский. Да, я совсем забыл: если Ньюша дома, скажем, что Таня, твоя дальняя родственница, нет, лучше сказать, что она твоя знакомая из другого города. Приехала, мол, на время, а у вас в доме ремонт, поэтому ты не можешь ее пригласить к себе. Правильно говорю? Или вместо ремонта придумай сам что хочешь.

– Ньюша, ваша, кстати, прекрасно знает, что у нас никакого ремонта нет. И врать я не умею, – бурчал в ответ Кирилл.

– А за что я тебе плачу, Кир? Да еще баксами. Не умеешь врать – научим. Ладно-ладно, шучу. Поехали, время поджигает.

Глава 4

Безоблачное утро обещало хорошую, ясную погоду, но к полудню небо заволокли серые тяжелые тучи, и начал накрапывать мелкий дождь. Ежась от ветра и назойливых колючих капель, Таня стояла под навесом крыльца старинного здания, где располагалось институтское общежитие. Зонт лежал в одной из спортивных сумок, на самом дне, но перерывать все содержимое, не хотелось. Очередной порыв ветра вымочил ее до нитки, она оконечела и начала злиться: босоножки предательски промокали, а Игорь опаздывал.

Комендант общежития, невзрачный мужичонка лет шестидесяти, сочувствовал девушкам, приехавшим издалека. Выдав несостоявшейся студентке паспорт, внимательно и оценивающе рассматривая Таню, он спросил ее: «Куда теперь? Домой?» – Таня молчала. – «Я, дочка, советую тебе домой ехать. Дом есть дом, стены греют. А в столицу теперь будешь на экскурсии приезжать. Не огорчайся, не всем в институтах учиться: я вот без диплома живу не тужу. Но это дело личное, может, на следующий год поступишь. Между прочим, если тебе переночевать негде будет, всякое ведь может случиться, не стесняйся, обращайся прямо ко мне. Я всегда здесь. Спросишь Федорыча, каждый подскажет, где меня найти. (Меня полностью Львом Федоровичем зовут, но можно и сокращенно, оно так проще.)

Я тебе койку выделю, но, предупреждаю, за деньги. Сама понимаешь, как я рискую: прописки у тебя нет, экзамены закончились, в новых списках института ты не значишься. Место на ночь – пять рублей. А жить будешь как в санатории: помыться, погладиться – полный набор удовольствий, но только до десяти утра, потом я все свое хозяйство запираю. Если захочешь остаться на несколько дней, то деньги вперед. – Федорыч ухмыльнулся и подмигнул Татьяне. – Да, сюда прощу без кавалеров, у меня с этим строго. Если надолго ко мне соберешься, я сам тебе кавалера найду. И денег с тебя не возьму – во как! Думай!»

«Ну и тип! По пятерке! Как в гостинице... Вот жук! Организовал ночной санаторий, а днем все шито-крыто, никого посторонних не видно, никого нет. Наверняка у него целый воз детей, их кормить надо. Ай да комендант этот самый Федорыч, далеко не так прост, может, когда и мне пригодится этот проныра, надо же, он мне кавалера найдет!» – Таня представила Федорыча в обшарпанном рабочем халате и стоптанных сандалиях и прыснула со смеху.

***

Такси остановилось рядом со входом в институтский парк. Двое молодых, дорого и модно одетых юношей минуту-другую договаривались о чем-то с водителем, вышли из машины и направились к общежитию. Первым Таня увидела Игоря, следом за ним, не торопясь и смотря себе под ноги, вышагивал стройный блондин в очках. Таня осмотрела платье, порядком вымоченное дождем, хлюпающие босоножки, и у нее испортилось настроение. Со злости, рывком, она пыталась поднять с земли две большие, набитые вещами сумки, но тут же подскочил шофер и подхватил их.

В женском крыле общежития, около окна, за этой встречей внимательно наблюдал Федорыч. Страхнув пепел от папиросы, он подумал: «По всему видать, еще приедет, и не раз... ох, дуры-девки, ох дуры...»

Глава 5

С моря дул свежий легкий ветер. Накинув шелковый халат, Марина подошла к балконной двери и не смогла отвести глаз от дивной, пронзающей душу красоты. Ей захотелось, чтобы время остановилось и она смогла бы запомнить это мгновение на всю жизнь: верхушки высоких мохнатых сосен плавно раскачивались, вторя легкому ветру, чистый белый песок в лучах янтарного солнца казался золотой россыпью. Солнце проникало сквозь зеленые хвойные лапы и мягким розоватым светом заливало все вокруг. В утренние часы Балтика была сказочно прекрасна.

Закрытый санаторий для партийных функционеров спрятался от посторонних глаз в сосновом бору Юрмалы. Отдыхающие, – а их в белом особняке было раз-два и обчелся, – тщательно охранялись. Однако явного присутствия всевидящей службы Марина не замечала. От отца она знала, что доблестные чекисты, охраняя «объекты», одновременно ведут за ними пристальное наблюдение, фиксируя любое перемещение и контакты. Это осталось еще от сталинских времен, когда неутомимые органы вели досье на всех без исключения приезжающих. Мало что изменилось в их тайных играх и в конце семидесятых... Большинство населения великой страны тихо поругивало власти на кухнях; смельчаки-одиночки преследовались, но это было где-то там, далеко, очень далеко от жизни Марины. У нее героических знакомых не было, и в суть идеологических споров, которые часто возникали между студентами, она не вникала. Ей по-человечески жалко было тех, кто осмелился выступить против системы, но в ней говорила осторожная женщина с задатками философа: «Любой режим рождает недовольных, и они, рискуя всем, знают, на что идут».

Только здесь, в Прибалтике, она почувствовала, что порядком устала от суетливой Москвы, от университета и даже от своих закадычных друзей. Одиночество ее не томило: хотелось бродить по белому песку вдоль берега, дышать воздухом католической Риги, пить кофе в маленьких уютных кафе, недалеко от ратуши, и слушать, слушать дивную музыку великого Баха в Домском соборе. В мечтах она представляла, что у нее здесь большой дом (как у Высоцкого, «...с балконом на море»), здоровые красивые дети, хорошая библиотека. Иногда ей казалось, что она уже когда-то жила в Риге, так же бродила около моря, собирала ракушки и камни, искала янтарь. Она закрывала глаза и видела одну и ту же картину: они вдвоем, мама и дочь, идут вдоль моря и тихо беседуют. Как всегда, теплые мамини руки гладят непослушные волосы дочери. Ей слышится родной голос... Прошло больше года как не стало мамы, но боль не утихала. Марина постоянно казнила себя, что в тот роковой час ее не было дома, что не смогла помочь, не спасла, не простилась наконец. Разум говорил: судьба, а сердце не давало покоя. И время, которое, говорят, все лечит, почему-то не лечило. Вспоминалось утро того дня – ничто не предвещало беду. Как обычно, мама разбудила ее и позвала завтракать; отец уже собрался, ждал машину, укладывал какие-то документы в папку. Все, как всегда. Они над чем-то весело смеялись. А потом муж и дочь спешно уехали по своим делам. Сердечный приступ начался внезапно: острая боль за грудиной сковала движения и не дала дойти до телефона. А всего-то надо было пройти десять шагов.

На маленьком столике мелодично и требовательно звал к себе телефон. Через секунду в трубке послышалось четкое: «Соединяю».

– Дочь, как ты там? Еще не устала отдыхать?

– Привет, пап, нет, не устала. Здесь так хорошо. Правда, море уже остывает. Ноги грею в песке, как ты велел. Чуть-чуть загорела —сам увидишь.

– Если хочешь, останься еще на пару недель. Я свяжусь с директором. Может, тебе деньги выслать, что-нибудь, наверное, приглядела в Риге?

– Спасибо, пап, ничего не надо, и деньги у меня еще есть. Я уже собираюсь домой, скоро же мамина годовщина. Ты собираешься со мной на кладбище?

– Посмотрим, как у меня сложатся дела. Заранее ничего не могу сказать. Я же человек подневольный. Значит, как договорились, в пятницу ты едешь в Ригу, потом самолет, плюс дорога, где-то к шести, к семи ты должна быть дома. Или даже раньше. Машину в аэропорт я за тобой пришлю. Если буду свободен, вместе поужинаем. Тебе тут кавалер названивал, сын Ольги Ивановны, как его там, забыл...

– Кирилл, – буркнула Марина, подумав: все ты, папа, прекрасно помнишь, хитрюга мой.

– Целую, дочка, до встречи. Если что срочное, звони после десяти на дачу.

В трубке щелкнуло, затем послышались необычные гудки, и мужской голос по-армейски четко спросил: «Марина Алексеевна, дежурный офицер связи майор Меркушин. Москва еще на проводе. Вас с кем-нибудь соединить? – «Спасибо, я попозже... буду звонить», – на одном дыхании прошептала Марина.

Знал бы этот офицер, как ей хотелось позвонить именно сейчас: услышать мягкий спокойный баритон... «Интересно, что он делает сейчас, вот в эту минуту? Может быть, он тоже думает обо мне? Нет, так не бывает... Может, все-таки набрать номер? – Нет, нельзя, не отсюда. Нельзя Илью подставлять. Здесь же все звонки фиксируются, все разговоры записываются. Ровно через сутки на столе у отца появится что-то вроде докладной записки: спецсанаторий, Юрмала, номер люкс, время, абонент звонил по такому-то номеру, кому принадлежит номер, сколько длился звонок и распечатанный текст разговора. Самое смешное, что я сама толком ничего не знаю об Илье – всего-то два раза встретились, а отец узнает все: мало того, что о нем самом, так и обо всех родственниках. К тому же очень оперативно, буквально через сутки».

Она представила лицо отца, монотонно читающего ей нудную лекцию об обязательной бдительности, «абсолютно необходимой в такое сложное время, учитывая международную обстановку, его должность и положение, также чрезвычайную ответственность», и все такое прочее о противниках соцсистемы, скрытых и явных, о том, что ей надо воздерживаться от ненужных знакомств и пустых встреч... и далее все в таком духе.

***

Ветер с моря проник в номер, игриво поиграл тюлевыми занавесками, перелистал, как будто хотел сразу прочесть открытую книгу, лежащую на маленьком журнальном столике, и успокоился. Марина сидела около телефона, смотрела на море и думала: «А ведь мне стыдно было сказать Илье, что отец работает в ЦК. Что-то меня остановило. Чего, собственно, я стесняюсь? Отцовской должности? Но отцов не выбирают... Конечно, он насквозь пропитан «коммунизмом», до тошноты, но ведь он серьезно в классиков марксизма верит, а про Ильича и говорить просто нечего, он для отца божество. Но в этом нет ничего удивительного: таких, как он, много, они были так воспитаны. «Бежать задрать штаны за комсомолом», посещать всякие ячейки, воззвания, диспуты, устраивать до хрипоты разборки классовых врагов, и все с юности... поэтому и свято верит во все эти «измы». А ведь это фанатизм чистой воды, но, с другой стороны, только фанатики и могут что-то менять... Я же понимаю и уважаю тех, кто в церковь ходит, и не смеюсь над ними... мама, например, всегда на ночь читала Евангелие, наверное, и в церковь ходила. Просто об этом молчала, так разве имею я право осуждать отца или сомневаться в его искренности? Он тот же служитель культа, только культа Идеи... И все-таки неужели я боюсь потерять Илью? Господи, если бы сейчас хоть на один миг увидеть маму, она бы мне все по полочкам разложила, подсказала. Интересно, понравился бы Илье ей, чтобы она о нем сказала? Наверняка внешне понравился:

глаза, как у библейского пророка, на лице спокойствие, одухотворенность. Наверное, стихи пишет. Как он мне сказал? «Чтобы понять себя, войдите осенью в лес, послушайте деревья, помолчите, взгляните на небо и вспомните что-нибудь из самого раннего детства, и тогда душа очистится.»

Думаю о нем каждый день, а это уже симптом. Симптом симпатии... вот такое словосочетание – она вспомнила чуть-чуть косолапую походку Ильи и улыбнулась.

На следующий день, после завтрака, Марина заказала разговор с Москвой. Одиночество и безделье стали давить, мысли постоянно возвращались к московским проблемам, хотелось поболтать с друзьями.

Первый звонок – к самому близкому другу. Но у Павла к телефону так никто и не подошел. У Игоря было «занято», а Кира не было дома – трубку сняла его мама.

– Ольга Ивановна, здравствуйте. Это Марина, я из Юрмалы звоню. Простите, что побеспокоила вас.

– Мариночка! К чему такие церемонии, я так рада тебя слышать, почему ты не звонила? Как ты отдыхаешь, как погода? А Кирюши нет – он куда-то умчался с Игорьком. Что ему передать?

– Я прилетаю в пятницу, вечером ему позвоню. Мы собрались к Игорю в гости. Именно в пятницу. Так что я с корабля на бал. Кир обещал меня встретить, передайте ему, Ольга Ивановна, что меня встречать не надо: отец вышлет за мной машину. Я сама Кириллу позвоню. Хорошо?

– Конечно, дорогая, конечно. Как здоровье папы?

– Спасибо, все в порядке. А вы как?

– Это все потом, обещаю, что после отдыха ты непременно ко мне заедешь. Я очень хочу тебя видеть, и мне с тобой поговорить надо. Буду тебя ждать, приезжай, деточка, скорее.

Марина повесила трубку, губы у нее предательски задрожали: ее давно уже никто не называл «деточкой» и «дорогой». Сердце защемило от жалости к себе. «Мамочка, милая моя мамочка...», – она уткнулась в подушку и расплакалась.

В соседнем номере тихо играла музыка, что-то очень легкое, какой-то старинный вальс или полонез; в коридоре, недалеко от ее двери, кто-то разговаривал, и, не прислушиваясь, можно было понять, что говорящие обсуждали погоду. Грустные мысли постепенно рассеивались; солнце согревало душу. Марина решила съездить в Ригу, купить всем знакомым сувениры и начала одеваться.

На столике, около телефона, лежал томик стихов любимого поэта. Захотелось, как в детстве, погадать—подсмотреть, что там, в будущем. Поэма Пастернака, которую она открыла наугад, была чересчур громоздка, сложна и напомнила ей здания-новоделы, со всякими бесполезными архитектурными излишествами. Поэма оставила ее абсолютно равнодушной. Захлопнув книгу, Марина вновь ее открыла – в глаза бросилось четверостишие:

*«Войду, как входит ночь в аллею,
Пройду, как ночь, пройду насквозь,
Пройду насквозь и пожалею,
Что я в Москве, что мы не врозь.»*

«Нет.. что-то не то. Красиво, тревожно, но непонятно. «Как можно жалеть о том, что твой любимый человек не рядом – «мы не врозь!» — галиматья какая-то! В сущности, все гадания – чушь, и некоторые стихи тоже, – сказала она себе и отложила книгу. А эхом в душе отозвалось: «И пожалею, что я в Москве».

Глава 6

Открыв глаза, Таня долго и сосредоточенно изучала потолок, стены и обстановку квартиры. В голове шумело, горло саднило. «Мне только не хватает разболеться. Это я вчера под дождем простудилась: надо срочно покупать обувь, а то так и пойдет: дождь – простуда, простуда – опять дождь. Все упирается в деньги, а у меня осталась какая-то мелочь, какие-то крохи».

Диван, застеленный красивым импортным бельем, источал нежный запах горных трав или чего-то лесного. «Надо же, вот это сервис – высший класс!» Накануне еще, бегло осматривая квартиру, она поняла, что хозяйева – люди с большим достатком. «Настоящий дворец! Мне бы такой: как красиво, дух захватывает! Интересно, сколько же здесь народу живет, в таких-то хоромах? Чистота какая, ни пылинки. Хозяйка, наверное, целый день с тряпкой ходит. Да... везет же некоторым. Правда, одним – лачуги, другим – вот такие квартиры».

Вспомнив шебутихинский барак, комнатенку, где она жила, Таня впервые с жалостью подумала о матери, которая никогда в жизни такой красоты не видела и вряд ли увидит: «Надо бы написать ей письмо. Хотя, нет, не стоит: рвать так рвать. Решилась так решилась. Да, о чем я ей писать буду? Ну, уехала, ну, не приехала. Ей-то что! Когда ей до меня было дело? Поплачет и успокоится, а потом наверняка забудет. Будто и не было меня. Для нее важнее мужик, а я – лишнее звено в ее жизни, нечто вроде балласта... Почему она меня вообще родила? Понять этого не могу! Без мужа... на что надеялась?»

Где-то в глубине квартиры тихо заиграла музыка. Таня прислушалась и попыталась подняться, в этот момент дверь в комнату осторожно приоткрыли. Игорь просунул голову и улыбнулся: «Привет, умирающим, как у нас сегодня дела? Как твое драгоценное здоровье?» Он вошел и не церемонясь, сел на чистое шелковое белье.

«У тебя, Тань, вчера к вечеру температура поднялась „тридцать восемь, еще с хвостиком“, я хотел вызвать врача, но, сама понимаешь, всякая ерунда вроде документов, прописки... Решил тебя самостоятельно вылечить, у меня таблеток полно, водка есть для компрессов. Может, отлежишься, и все само пройдет. Сейчас тебе что-нибудь надо?» – Таня покраснела: «В туалет». Он принес ей мягкие красивые тапочки и показал, где что находится.

«Ты особо не разгуливайся, а то остынешь, сразу иди ложись, я завтрак сделаю и принесу сюда» – «Можно сойти с ума! Мне принесут завтрак в постель, ничего себе начало: как в романах».

Игорь смотрел, как Таня медленно и без аппетита ела.

– А где Кирилл? – с напускным безразличием спросила она.

– Вчера еще уехал. Разве не помнишь?

– Голова очень болит, помню, но как-то смутно, помню, как сюда приехали, как за столом сидели, а потом все как-то в тумане.

– Мы вообще-то хотели пообедать в «Украине», это рядом, в «высотке», ресторан такой, но тебя здорово знобило, ты расчихалась, решили дома остаться. Хорошо посидели: вино пили, музыку слушали.

– Надо же, музыку совсем не помню, нет, не помню. И танцевали? А пили что?

– «Напареули», пару бутылок, а танцев не было – кто ж с умирающими-то танцует? – пошутил Игорь: Не волнуйся, к тебе никто не приставал.

– А я и не волнуюсь.

– Да-а? Это хо-ро-шо-о... Вот что я хотел тебе сказать... ты у меня можешь пожить некоторое время, вот в этой комнате. Предков моих сейчас нет, они уехали на юг.

– Спасибо, тебе, Игорь, за угощение и гостеприимство.

– Подожди «спасибо», я не сказал главного. Пожить.. но, как бы тебе сказать, не безвозмездно...

– И сколько мне будет это стоить, «пятерик» в сутки или больше?

– Какой еще «пятерик»? Деньги мне не нужны.

– Неужели? Вот спасибо.

– Да не прикидывайся ты дурачком, прекрасно сама уже все поняла: будешь расплачиваться натурой. Грубо, но честно. Я такой человек.

– А ты ничего не боишься, «такой» человек, мы ведь с тобой практически на улице познакомились, и ты меня вовсе не знаешь!

– Во-первых, не на улице, а в институтском дворе. Во-вторых, почему это я должен тебя бояться? Что ты имеешь в виду? Болезни, да? У меня врач знакомый есть, по этому профилю, если что мы тебя подлечим, проблем не будет. Короче, я тебе свои условия выложил, можешь думать до вечера. Я сейчас уеду по делам, а когда вернусь, — он посмотрел на часы, — где-то в районе шести, не раньше. Вот тогда-то ты мне скажешь, что надумала.

– А если скажу «нет»?

– Нет так нет. Тогда, моя птичка, гуляй на все четыре стороны. Знаешь такой романс: «Мы странно встретились»? — он порывисто встал, направился к двери и, не скрывая своего раздражения, обернулся к Тане со словами: «И вот еще что, скоро придет домработница, ее зовут Ньюшей, ключи от квартиры у нее свои. Она наверняка спросит: кто ты, что ты, откуда. Скажешь, что ты знакомая Кирилла, поняла? Приехала, мол, в Москву по делам. А у них, у Кирилла то есть, в доме ремонт — потому ты здесь. Я разрешил.

– А почему не сказать, что я твоя знакомая?

– Да потому, что Ньюша... одним словом, мать с отцом не любят, когда в доме посторонние. К телефону не подходи. Паспорт свой не ищи — он у меня. Если что-нибудь украдешь и смоешься, тебе же хуже будет! Разыщу в один день. В Москве, да еще без паспорта, тебя найти как два пальца... Поняла? Связей у меня хватает: сядешь по полной программе. Запомни: в Москве без документов ты — ничто и никто.

Таня перерыла все сумки: действительно, паспорта на месте не было. «Вот сволочь! Вот дерьмо... Сначала завтрак в постель, а потом — „посажу“. Надо же, паспорт украсть! Сволочь, тебя бы в наш барак, там тебя поучили бы уму-разуму. Ну подожди, я тебе покажу „ничто и никто“! Честно! Ни о какой краже не думала: зачем мне это, если можно пожить в Москве бесплатно? А теперь сам меня надоумил... Отомщу подонку. Сам своровал паспорт, а мне тут лекцию задвинул с угрозами».

Медленно, будто бы крадучись, начал подступать приступ. Она уговаривала себя успокоиться, проглотить обиду, быть хладнокровной, но перед глазами, сменяя одну за другой, вставали картины жестоких убийств. Жертвой был Игорь. От слабости ее шатало. Лечь страшно: когда закрываешь глаза, все окутано кровью и огнем, она боялась этого огня.

Часики на руке показывали, что до прихода домработницы, время еще есть. Таня открыла дверь в гостиную и огляделась...

***

От раскаленной плиты и чада на кухне нечем было дышать. Ньюша этого не замечала: она пекла блины, складывала их стопочкой, промасливая каждый кружочек, и внимательно слушала Танины рассказы. Слушая, вспомнила свое детство, маленький городок в Калининской области и себя в юности. Однако бдительности домработница не теряла.

– А давно ремонт-то у Кирилла? Постой, как его фамилия, я что-то подзабыла? — хитрила Ньюша.

– И я тоже все время забываю. У меня вообще плохая память на фамилии, Кирилл и Кирилл, он мне только один раз сказал фамилию, я и забыла.

– На сколько же ты в Москву приехала?

– Как только все дела улажу, так сразу обратно. Дяде надо помочь: ему надо пенсию оформить, а он никуда не выходит, ноги у него очень болят, полиартрит, а больше родственников нет, похлопотать некому, только я и осталась, – уклончиво ответила девушка.

– Какой ужас, господи, за что же так человек мучается? А мы тут со своими болячками как с писаной торбой носимся. Вот у меня, например...

Нюша с явным удовольствием стала перечислять свои многочисленные диагнозы. На эту тему она могла говорить долго, и с ученым видом знатока, пространно рассуждать о разнообразных методах лечения.

Время летело незаметно. Таня делала вид благодарного слушателя: вовремя поддакивала, как бы сочувствуя, понимающе кивала головой, и этим быстро расположила Нюшу, так что расстались они хорошими приятельницами.

«Потихонечку привыкнет ко мне, а я постараюсь из нее все вытрясти, из этой старой дурехи, она мне все выложит. Итак, на сегодня план выполнен, осталась одна неприятная деталь – Игорь».

Таня легла в постель, сунула под мышку градусник и задремала: ей снился Кирилл, который почему-то стоял в очереди в «Гастрономе» и покупал рыбу.

***

Между тем вечером того же дня, после недолгих колебаний, «старая дуреха», которой только недавно исполнилось сорок пять, дозвонилась до санатория, где отдыхали ее хозяева. Сочи дали очень быстро; к телефону подошел сам генерал.

– У аппарата. Ванин. Слушаю.

– Иван Сергеевич, здравствуйте, это Нюша. Извините, что отдыхать беспокою. Мне Марь Гаврилна нужна.

– Понял, передаю трубку. М-а-а – ша! – в трубке послышалось шуршание и шепот.

– Нюша, вы? Что случилось? С Игорем что-то?

– Не волнуйтесь, Марь Гаврилна. Игорек ваш жив-здоров. Я чего звоню: у нас тут гости образовались.

– Гости? Кто такие?

– Сама не знаю. Сегодня приезжаю: на кухне девушка сидит. Мне сказала, что она знакомая Кирилла. А фамилию его не знает. У них, говорит, ремонт, а Кирилка про ремонт мне ничего не говорил. Самого-то его я только позавчера видела, поболтали о том о сем...

– Подождите, Нюша, подождите. Какой ремонт, какая девушка?

– Не знаю я, какая девушка. Откуда приехала, не знаю, к кому приехала, не знаю. А ночевала у нас. Я чего волнуюсь: Игорь мне записки никакой не оставил, а самого его я не дождалась. Потом, эта Таня, ну эта девушка, как бы вам лучше сказать... не их она полета птица. Вот я и подумала, откуда же у Кирилки такая знакомая? Может, что-то не так? Вы мне сами, Марь Гаврилна, наказали: «Нюша, остаешься за хозяйку, если что срочно звони».

– Да-да, помню, спасибо, Нюша, вы молодец, алло, молодец, говорю, что сообщили. Дайте мне телефон Ковалевских. Он в записной книжке, она прямо у телефона лежит. Посмотрите на букву «К». Поищите, я подожду. Так-так, спасибо, Нюша, я дозвонюсь до Ковалевских и постараюсь узнать, откуда эта девушка и почему она у нас ночует.

– Хорошо, Марь Гаврилна.

– Сами ничего не предпринимайте, пока я с сыном не поговорю. До свидания.

Глава 7

«Проспект Маркса», следующая остановка «Библиотека имени Ленина», – произнес металлический голос из громкоговорителя вагона и отвлек Павла от размышлений. Выйдя из вагона метро, двери которого за ним автоматически закрылись, он, никого не замечая, направился к эскалатору.

«Лето ушло, скоро занятия, а я так и не сел за курсовую. И зачем я сам себе вру? Дело не в лени. Лени тут абсолютно ни при чем, правильно говорят: дело до дела не доходит, когда оно тебе изнутри не нужно. Будь проклят тот день, когда я отдал документы в университет. Чего ради я себя обманываю? Тряпка, настоящая тряпка, поддался уговорам отца и Маринки. Четыре года занимаю чье-то место, чужое. Не выйдет из меня журналиста, хорошего журналиста, буду на побегушках в какой-нибудь заштатной газетенке, а настоящим асом пера – родиться надо. А таким, как все, – увольте! Про то, что у меня особый дар и талант, одни выдумки, я, может, чуть-чуть пишу лучше, чем бездари, а самое главное... все, больше не могу, предел, хуже горькой редьки.. этот университет с его „лучшим в мире образованием“. Как можно дальше забивать голову всей этой галиматьей, серьезно относиться к партийным дисциплинам? Зачем, спрашивается, обыкновенному репортеру досконально знать теорию прибавочной стоимости или философские основы детерминизма? Говорят: надо „иметь мировоззрение“. А разве в этой стране можно его иметь, мировоззрение? Попробуй только – и будешь с ним в палате номер шесть. Учили бы лучше риторике, языкам, психологии, – хотя какая психология! – она же в Союзе считается лженаукой. К стыду, большинство журналистов, чего греха таить, и писать-то по-русски не умеют, говорят коряво, а уж о знании языков... и сказать нечего. С другой стороны, писать под дудку власти сравнительно легко: лишь бы все было выдержанно и правильно в идеологическом смысле, а стиль – это вторично. Бумага все стерпит: и вопли, и фальшивый тон, и высосанные из пальца патриотические сюжеты, в которые поверить-то нельзя. Все советские газеты, вместе взятые, не стоят больше рулона туалетной бумаги, ну, может, чуть дороже... „Голос Америки“ цитировал тут передовицы „Правды“: хоть стой хоть падай, идиот на идиоте». Павел не заметил, как прошел пешком целую остановку. Обернулся, троллейбуса не видно.

«Как же здесь все прогнило, и как основательно! И ничего с этим не поделаешь. Прямо как в анекдоте: «Нужно начинать все сначала...». Режим в Союзе сам по себе никогда не изменится, потому что народ таков – без кулака прожить не могут и плачут под этим кулаком что есть силы, и так здесь будет всегда. Рабы – одно слово. «Вражеским» голосам хорошо: они там, за бугром, в парижках-цюрихах, а здесь хоть вой от советской дури и тоски. Где эти смельчаки-одиночки... в одиночках? Плохой каламбур. В тюрьму – страшно, в психушку – и того подавно. Наверное, тех, кто вышел на Красную площадь после «Пражской весны», как цыплят, по одному переловили и отвезли к товарищу Сербскому на аминазин... Любой шаг против системы – и сгниешь в изоляторах или спецприемниках. Нет, уж, спасибо, отдать единственную жизнь за страну дураков – удел дураков... Как Роман прав, как он прав: чем скорее смоешься отсюда, тем больше шансов остаться здоровым».

Занятый своими мыслями, будущий журналист смотрел себе под ноги, не замечая устремленных на него заинтересованных женских взглядов. Павел давно привык к вниманию со стороны прекрасного пола, но, будучи человеком иронического склада, к своим внешним данным относился с долей скепсиса и уж тем более не причислял себя к секс-символам. Представительницы противоположного пола, и особенно факультетские девчонки, придерживались другого мнения. Для них он был божеством, и сразу в трех лицах: красавцем Байроном, нервным скептиком Печориным и острословом, умнейшим Чацким. Плюс к тому и одевался со вкусом: галантные, серо-стального цвета костюмы, черные водолазки

и бессменный значок канадской хоккейной команды многих сводили с ума. Кленовый листочек идеально подходил к черному цвету, маленькая борода и проникновенный голос дополняли загадочность образа.

На первом и втором курсах тайное обожание и томные взгляды женской половины ему льстили, а потом стали невероятно раздражать. Серьезно поговорить с однокурсницами и то удавалось редко: все как одна кокетничали, жеманились и строили глазки. И не было среди них той, которая отказала бы ему в свидании. «Почему они такие дуры? – думал он. – На все готовы, буквально на все, к любой части тела есть открытый доступ. Только бы залезть в постель, чтобы утром – в загс. Неужели весь смысл жизни для них – фата и штамп в паспорте? Может быть, я преувеличиваю? Наверняка. Вот Марина, она же совсем другая».

Они ходили в одну школу, прогуливали вместе уроки труда и физкультуры, покуривали втихую. И никаких тайн друг от друга. Она была «своим парнем», настоящим другом. «Жалко ее, беднягу, потерять в одночасье мать. Осталась совсем одна – ни сестры, ни брата. Папочка – тот еще чудак на букву «м», далеко не подарок – ходячая догма со змеиной улыбкой. По-моему, Маринка его недолюбливает, не знаю, может, я и ошибаюсь. Член ЦК, член Политбюро... упаси господи жить с таким партайгеноссе рядом. Правда, у Маришки с ним всегда были сложные отношения... а у кого они, по сути, не сложные?..

***

Взять хотя бы нас с Ольгой. Избегаю ее, боюсь поговорить, а давно ведь пора объяснить: или честное «прости – прощай» или как-то там оправдаться. А почему, собственно, оправдаться? Дурак, и чего я тяну. Все из-за моей нерешительности. У Ванина младшего бы поучиться: тому познакомиться и тут же переспать, как сигаретку выкурить. А через пару деньков или того меньше легко, играючи, спровадить любовницу и никаких угрызений, и жизнь продолжается без всяких напряг. Конечно, у меня другая ситуация»...

Познакомились они в «Историчке»: молодые московские гуманитарии очень любили эту библиотеку. Там, в ее святая святых, в курилке, собиралось общество странных мечтателей: историки, филологи, будущая интеллектуальная фронда, – люди, жившие особым духом вольности, доверительных разговоров, надежды, мечтатели...

К выставкам, музеям и концертам Ольгу не тянуло, зато в спокойном и просторном читальном зале, где стояла священная тишина, ей было уютно и хорошо. Она училась в педагогическом, на заочном, но нигде не работала. Справку о том, что она где-то служит, ей достали родственники.

Прямые светлые волосы, строгий классический костюм и никакой косметики: природная элегантность удивительно сочеталась с мягкостью голоса, женственностью и загадочностью. В ней было что-то неуловимо манящее и обещающее, какая-то тайна, какая-то загадка. Даже манера разговаривать, прерывая фразу на слове, завораживала. Павлу она казалась молодой Ахматовой, «из мира другого, в меланхолии печальной»...

Жизнь современников Ольгу не интересовала: рутинная и обыденность не касались ее внутренней жизни, ее прекрасного и недоступного замка Поэзии; да и пускать туда кого-либо она вовсе не собиралась. Стремительный роман, однако, не нарушил гармонии: тактичный, интеллигентный, Павел был своим, одной крови. Он любил классическую поэзию, хорошо знал переводы, хотя всему предпочитал красивую изящную прозу. Ольга читала ему свои стихи...

Страсть вспыхнула внезапно и изнутри сжигала их. Тела неистово искали друг друга, отбрасывая условности и подчиняясь только зову инстинкта. Став любовниками, они встречались в чужих пустых квартирах, на дачах, отдавались друг другу в подъездах, на последних сеансах кино. Плоть не знала усталости и, насыщаясь, вновь требовала и требовала

наслаждений. Совершенствуясь в науке секса, они все время искали новизны в ощущениях, а души – их души оставались глухими и слепыми друг к другу. Стихотворные опыты Ольги оставляли Павла равнодушным, и, чтобы не обидеть поэтессу и любовницу, он отмалчивался, думая про себя: вроде и не графомания, но стихи фальшивые, вымученные, какие-то искусственные. Понять, почему молчит сердце, он не мог: «У меня, наверное, что-то с психикой: разве нормально видеть в женщине только предмет страсти? Почему мне безразлично ее мнение о чем-либо или то, что она делает без меня, о чем она думает и кто ее родители? Я даже привычек ее не знаю и, честно говоря, мне это абсолютно неинтересно... Разве так любят женщину? Предмет страсти надо боготворить, а я, похоже, его расчленяю. И поговорить-то об этом не с кем... Не с Маришкой же обсуждать мои интимные приключения и сомнения... Что же делать? Порвать или оставить все как есть?

Скверно на душе... где она, та самая точка, откуда все пошло шиворот— навыворот? Павел лукавил: он знал, когда и с чего начался вялотекущий разрыв с Ольгой.

Читая регулярно на Трубной площади газеты, которые издавались в других городах, он специально приезжал из Новых Черемушек в центр. Редко, но попадались на этих стендах заметки и статьи, практически не тронутые рукой цензора, или просто по-провинциальному забавные.

Маленький листочек, написанный от руки мелкими буквами: «*Уроки иврита. Звоните...*», был наклеен на самом верху стенда, чтобы никто не мог его сорвать, и потому объявление он заметил не сразу. Прочтя его, Павел закурил. Сигарета погасла, а в голове выстроился четкий ясный план. «Вот что мне нужно, и почему в голову это раньше не пришло? Надо изучить язык, досконально, чтобы не только говорить, но читать и думать на нем. Все силы брошу... Это первое, потом. Потом надо с умом выбрать невесту. На факультете много девушек из еврейских семей. А лучше всего специально познакомиться, чтобы и у ее семьи была такая же цель – в смысле уехать отсюда, навсегда. Хорошая порядочная девушка... Кстати, говорят, еврейки – прекрасные матери и очень хорошие жены. А Ольга? Нет-нет и нет. Не вариант! Уехать! Тянуть не буду. Придется, конечно, еще помучиться здесь. Вести себя буду тише воды, ниже травы, чтобы никто, даже родители, ничего не узнали, – одним словом, помалкивать, ничем не выдавая своих планов. Да, пожалуй, это единственный выход. Надо готовить себя... Подумать только, я, малодушный, трусоватый и собрался эмигрировать. Вот это дела!»

Он сорвал объявление и тут же, в ближайшем автомате, набрал указанный номер. Трубку долго не поднимали, а после шести гудков, которые показались Павлу вечностью, ему ответили сквозь зубы что-то невразумительное. Он снова набрал номер, ждал, когда подзвонит преподавателя. Представил себе старенького еврея, живущего на мизерную пенсию и доходы от уроков, неухоженного, небольшого роста человечка, шаркающего по коридору коммунальной квартиры...

– Алло, я вас слушаю, – молодой звонкий голос оглушил студента журфака.

– Простите, я...я звоню по объявлению, мне нужен преподаватель иврита. Я туда попал? – тихо спросил Павел.

– Да-да, записывайте адрес, я вас буду ждать. Приезжайте прямо сегодня. Где-то через часок.

***

Огромные окна большого старинного дома на улице Чехова смотрели на бывшее здание Купеческого собрания, знаменитого в прошлом своими ресторанами и игральными залами. Около театра, разместившегося в этом здании, толпилась очередь жаждущих

попасть на премьеру. Павел отметил для себя, что даже не поинтересовался, чем «Ленком» хотел удивить Москву этим вечером.

Отделанный зеркалами лифт мягко поднял его на последний этаж. На входной квартирной двери красовалось множество маленьких звончков-пуговиц и латунных табличек с еле различимыми надписями. Нажав кнопку, к своему удивлению, он занервничал.

Дверь открылась: высокий, спортивного типа мужчина, лет тридцати, в махровом халате и накинутым на голову капюшоном, доброжелательно улыбался. Нос и огромные карие глаза с маленьким прищуром выдавали его происхождение, которое так не любят на Руси. Учитель был чем-то похож на веселых монахов из «Декамерона», обаятельных жизненнолюб-хитрецов, которые никогда и ни за что не откажутся ни от одной из земных радостей.

Коридор извивался змеей. Комнат было много, но в квартире жизнь как-будто замерла. Следуя быстрым шагом за учителем, послушно огибая шкафы и тумбочки, Павел подумал: «Я, пожалуй, обратной дороги один и не найду». В тот же момент он стукнулся головой обо что-то твердое – то ли бак, то ли оцинкованное корыто, подвешенное к стене. Звук от удара был похож на гонг. Оба от души рассмеялись, хотя в глазах у Павла потемнело. «С боевым крещением», – подбодрил будущего ученика Роман и пригласил Павла в свою комнату.

Комната напоминала склад большого книжного магазина. Ни стен, ни мебели видно не было: все пространство от пола до потолка было уставлено книжными полками. Собрания сочинений, старинные фолианты, потрепанные справочники, журналы и последние новинки изящной словесности – всего было в избытке.

«Вот это да!» – восхищенно сказал Павел, рассматривая такое богатство. – «Да уж, сия библиотека собрана трудами не одного поколения, – сказал Роман. Есть книги, принадлежавшие моему прадеду, с его личным эклибрисом, а я в роли Лорда хранителя печати, – храню и преумножаю. Роман показал рукой справа от себя: собираю оригинальные иностранные издания, книги, которые, по понятным причинам, здесь никогда не переведут, к слову сказать, еще один аргумент в пользу изучения языков. Я, между прочим, преподаю не только иврит, но и английский.»

Пока Павел рассматривал библиотеку, Роман сварил кофе. Они устроились в маленьких креслах, стоявших впритык к огромному письменному столу. Под большим выцветшим абажуром красовалась лампа прошлого столетия, рядом с ней стояли современная кофеварка и оригинальная бронзовая пепельница, ручкой у которой служила фигура Мефистофеля.

Проследив взгляд Павла, учитель сказал: «Держу пари, не во всяком доме можно найти... Врага рода человеческого. А я вот специально его сюда поставил, чтобы не забывать и не обольщаться... По-моему, он всегда и везде присутствует, ничего не добавишь, – очень-очень влиятельная персона, должен заметить.»

Взаимная симпатия расположила молодых людей к обстоятельному и неспешному разговору о жизни. Сумерки давно уже окутали Москву, а единомышленники времени не замечали: им было о чем поговорить по душам... Вот так все началось.

***

Домой Павел приехал около полуночи, долго не ложился; из его комнаты тихо лилась музыка, и свет горел почти до самого рассвета. Родители не мучили его расспросами: и так по всему было видно, что их сын кем-то увлечен. Они как в воду глядели: спустя некоторое время отношения учителя и ученика приняли очень близкий характер. Без всякого сомнения, толкнуть молодых людей на этот шаг смогла только очень влиятельная персона – Князь тьмы.

Глава 8

Ни украшений генеральши, ни денег на «черный день» в доме Ваниных обнаружить никак не удавалось. «Такого быть не может: в каждой семье есть сбережения, где же они их хранят? – думала Таня в раздражении. – Значит, я не умею искать, может, деньги в книгах, надо каждую потрясти. Не пойдет Игорь в Сбербанк менять доллары на рубли – он не такой. Где же ключи от письменного стола?» Планы молниеносной мести рассыпались в пух и прах, между тем деньги у Тани катастрофически кончались... «Попросить у этого хама? Нет, пусть подавится, пусть думает, что у меня самой деньги есть, а то рабыней сделает». Таня побаивалась Игоря: она чувствовала, что он постоянно наблюдает за ней, не доверяет, следит за каждым шагом.

Не удалось ей ничего путного выведать и от Ньюши: та была как кремень – и тайны семьи не выдавала. Роль внимательного слушателя Тане давно надоела, и перед самым приходом домработницы она спешно одевалась и исчезала из дома.

«Пора. Надо решиться на первый шаг, „первые гастроли“, так сказать. Все мелочи продуманы – вроде все подготовила». Акцию по изъятию из населения денег она решила предпринять не откладывая, сегодня же, когда в кармане оставалось всего три рубля.

Утро началось, как обычно, с ругани.

– Вставай, поживее, поживее, – приготовь мне что-нибудь, время поджимает, – мрачно сказал Игорь, выталкивая ее из постели.

– Отстань, не толкайся, я не прислуга тебе и не жена, а любовница, – парировала Таня.

– Что-о-о? Это ты-то любовница? Помолчи, лучше, Буратино.

– Почему Буратино?

– Да потому, что такая же деревянная, как он.

Она смолчала, зачем его злить? И переменяла тон:

– Игорек, дай мне чуть-чуть денежек на карманные расходы. У меня совсем ничего не осталось. А у дяди пенсия только через неделю.

– Однако ты, мать, совсем обнаглела: спишь, ешь, удовольствие регулярно получаешь, а теперь еще и деньги тебе дай. Что я их печатаю по-твоему?

– Я у тебя никогда ничего не просила, обходилась, может, – она опустила голову, начала шмыгать носом и уже собиралась заплакать, – я мороженое хочу купить и колготки.

– Ну ладно, ладно, не хнычь. На мороженое дам. И на колготки Брысь на кухню, я сказал, сделай яичницу или омлет. Жрать хочу до ужаса, и уже опаздываю.

Таня поспешила на кухню, но, сделав два шага, сразу же вернулась назад: надо бы посмотреть, откуда Игорь будет доставать деньги. Она наблюдала за ним не дыша, боясь пошевелиться. «Так вот, значит, где он хранит ключики. Понятно... подождем, когда будет удобный момент», – через несколько секунд она была на кухне и сосредоточенно взбивала яйца для омлета.

***

Начернив брови, и густо подведя глаза, Таня нацепила

парик, который нашла в спальне у Марьи Гавриловны, и потихонечку начала вживаться в «роль номер один». Эту роль она заготовила давно, а премьера должна состояться сегодня. Чувствуя легкое возбуждение, Татьяна для начала состроила зеркалу рожицу, затем проиграла всю сцену от начала до конца. «Нет, не так, надо быть раскованней – я будто бы стесняюсь. Вот так, я вошла, это я говорю, сказала, она мне отвечает. Нет, неубедительно» – она репетировала и репетировала, повторяя мизансцену перед зеркалом и входя в образ, без

всякой системы Станиславского. О которой, впрочем, она и слыхом не слыхивала. Наконец, пришло ощущение, что она – это другой человек. «Ура! Я добилась! Я сама поверила! Танечка, ты молодец, на выход!»

Надо сказать, что время Таня зря не теряла и изучала Москву по-своему: ей нравилось садиться в любой подвернувшийся автобус или троллейбус и ездить по маршруту от конечной до конечной. Она прекрасно ориентировалась в центре, знала, где какой магазин, рынок, даже некоторые организации. Все записывала в блокнотик. Так она изучала наземную Москву, да и метро столицы знала лучше, чем некоторые старожилы. Большой «Гастроном» на площади Восстания она облюбовала давно, бывала там не раз, тщательно изучила все выходы и входы. К операции с ласковым названием «Икорочка» она готовилась тщательно: прозвонила разные инстанции; нашла одного полуспившегося гражданина: он должен был ей кое в чем ассистировать за весьма умеренную плату, купила на свои кровные в магазине «Спецодежда» мужской рабочий халат и простые туфли.

***

С утра в Гастрономе народу было немного, но к одиннадцати два больших «живых кольца» уже выстроились за дефицитом. «Выбросили» полукопченую «Краковскую» колбасу и мандарины. В рыбной секции, кроме нескольких старушек, купавших дешевый минтай для кошек, никто не толпился. Месячный запас дефицита – селедку «Иваси» – продали за два дня, а для живой рыбы сезон еще не подоспел.

... Рыжеволосая молодая женщина на высоченных каблуках вошла в магазин и первым делом направилась к стенду, на котором были указаны телефоны вышестоящих организаций. Она достала из сумочки листочек с записями, сверила его с тем, что было написано на большом стенде, и направилась в рыбный отдел.

Скучающая продавщица не обратила на нее никакого внимания.

«Здравствуйте, – обратилась к ней рыженькая, – я из Рыбторга, мне нужен заведующий отделом. Куда пройти?» Продавщица ленивым жестом указала на дверь между прилавками и отвернулась. Таня вошла в подсобку: полутемный коридор был уставлен большими шкафами; старыми сейфами, здесь же стояли две бочки, от которых шел крепкий запах тузлука – селедочного рассола. За дверью, на которой висела табличка: «Рыбный отдел. Заведующий», мягко постукивала пишущая машинка.

Дверь была приоткрыта: миловидная, тридцатилетняя женщина печатала, постоянно заглядывая в большую амбарную тетрадь; в комнате кроме нее никого не было.

– Мне заведующий отделом нужен. Это вы?

– Да, минуточку подождите, – она достучала слово и повернула голову.

– Я из «Рыбторга». Меня прислал Оганесян. Кое-что вам передать, лично.

– Как... Какой Оганесян? – женщина за столом была в растерянности.

– Я еще раз вам говорю: я приехала от директора «Рыбторга», Оганесяна. Вы хоть знаете его имя и отчество? – с недовольством и некоторым вызовом произнесла посетительница.

– Знаю, конечно, – Самвэл Борисович. А вы кто будете? – Таня не удостоила ее ответом на этот вопрос и продолжила:

– Так вот, Самвэл Борисович Оганесян просил меня передать вам, Валентина Ивановна, на словах конечно, очень важную информацию: сюда, то есть к вам в магазин, сейчас едут «гости». И начнут проверку именно с вашего отдела, вы все поняли? И приедут они очень быстро, может минут через пятнадцать-двадцать. – Таня посмотрела на часы и показала пальцем наверх, шепча: Из ОБХСС. С Петровки! Вы сейчас, пока я здесь, чтобы я не волновалась, передайте эту информацию директору, только очень осторожно, чтобы никто не услышал, ухо в ухо, а я вас здесь подожду. Так велел сам Оганесян. И никаких

телефонов, – она увидела, как рука заведующей потянулась к аппарату, – сами понимаете. Ну что вы на меня так смотрите? Лучше на часы посмотрите, идите же, идите, быстрее! Времени очень мало.

– Хорошо-хорошо, я сейчас, но... почему он директору магазину лично не позвонил?

– Ну что за глупый вопрос? Вы что не понимаете, что на том уровне все кабинеты прослушиваются. У вас-то «жучков» нет, еще не поставили. Нами проверено. Ясно? – лицо посетительницы при этих словах стало необычайно загадочным.

– Да-да, иду-иду, – заведующая засуетилась, подкрасила губы, она явно не могла понять, кто и когда проверял в ее комнатенке, провонявшей насквозь селедочным духом, какие-то «жучки», а потому очень нервничала.

Выждав несколько минут, Таня очень расторопно обшарила стол заведующей. Она нашла здесь все, что ей было нужно, и даже более того. Выскочив в коридор, она прихватила с собой висевший в простенке халат.

Первый акт был сыгран.

Через несколько минут она сидела в скверике около магазина и наблюдала за входом; сняв парик, она достала из сумочки банку с кремом и вытерла с лица всю косметику. Теперь предстояло играть вторую роль – роль уставшей от работы труженицы прилавка. Надев на себя халат, позаимствованный в магазине, она передела обувь. Вместо изящных туфель на высоком каблуке на ногах появились скромные спортивные тапочки. Заняв наблюдательную позицию, «посланница Оганесяна» внимательно смотрела на двери магазина. Все было спокойно: погоня ей не угрожала. Вытянув ноги и расслабившись, Таня прикрыла глаза и обдумывала план дальнейших действий.

***

Солнце потихоньку припекало: Таня полезла в сумку за платком и боковым зрением увидела Игоря. «Черт побери, только его здесь не хватало... узнает он меня или нет? Неужели он следил? Нет, не может быть, я бы его в автобусе заметила. Надо же, только в кино такое бывает. Главное, чтобы он меня не узнал».

Ненавистный ей любовник сидел на соседней скамейке и разговаривал с каким-то парнем. На Таню никто из них внимания не обращал. Чтобы услышать, о чем они говорят, она, елозя по скамье, сантиметр за сантиметром, передвигалась в их сторону. Что было сил она напрягала слух, но бесполезно: до нее доносились лишь отрывки слов. Разговор, судя по всему, шел об иностранной валюте; она несколько раз уловила в разговоре слова: «доллар» и «марка», а дальше разобрать ничего не смогла. Коммерсанты неожиданно изменили тему и начали обсуждать музыкальные новинки, сыпали иностранными фамилиями, и вдруг Таня заметила, что эти двое незаметно обменялись маленькими, завернутыми в газету пачками. «Точно, меняют или покупают друг у друга валюту. Одну зеленую бумажку Игорь еще на свет посмотрел. Вот это да... Вот в чем секрет его бизнеса».

После прощального рукопожатия компаньоны направились в разные стороны. Когда Игорь шел мимо скамьи, где сидела Таня, сердце у нее заколотилось, как отбойная машина. Она прикрыла глаза руками, отвернулась, но, на счастье, он был так занят своей персоной, что даже не посмотрел в ее сторону.

В сквере не осталось ни души – опасность миновала.

«Господи, пронесло. Ясно теперь, откуда у него есть денежки на шампанское и красную рыбу... Ладно, об этом субчике потом подумаем, а сейчас рассмотрим сегодняшнюю добычу». Она вывернула сумочку, и из нее на скамейку посыпалось экспроприированное: накладные с круглой печатью, бланки-заказы, распространявшиеся по предприятиям, списки поставщиков и разнообразные счета. Но более всего ее волновал конверт, тот, что

лежал в «косметичке» огорошенной заведующей рыбным отделом. Довольно пухлый, он обещал много наслаждений.

«Надо же, у меня две с половиной тысячи! Это уже что-то. И на косметологическую операцию хватит, и останется, так что риск оправдал себя: если бы меня схватили только с „рыбными“ бумажками, ерунда, отвертелась бы запросто: они большой ценности не представляют, так, тьфу, а деньги – другое дело. Это, точно 144-я, кража, лет пять на зоне. Ох, Танечка, далеко ты зашла, может, хватит судьбу искушать и отменить вторую часть операции? Подумай... Нет, нет и нет, если везет, надо пользоваться моментом, а потом все, „завяжу“, ой мама родная, говорю, как настоящий урка.» – она шла по направлению к Садовому кольцу. Из первого попавшегося телефона-автомата Таня позвонила алкашу, с которым договорилась заранее. Но тут ее ждало разочарование: мужичок плел что-то несусветное, никак не мог вспомнить, кто она, о чем они условились и какой сегодня день. Планы надо было срочно менять: хотя возбуждение от удачи первой части «операции» ее не покидало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.